

Лю Мэй
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
liumei1367@163.com

РАССКАЗ В. Г. КОРОЛЕНКО «РЕКА ИГРАЕТ»: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В.Г. Короленко – один из востребованных китайской публикой русских писателей. Его рассказы и повести активно переводились на китайский язык, получая высокую оценку известных писателей и критиков Китая. В то же время рассказ «Река играет», имевший большое значение в истории русской литературы, был переведен на китайский относительно поздно и до сих пор специально не рассматривался китайскими критиками и филологами. Предложенная интерпретация рассказа и историко-функциональный анализ убеждают в том, что китайская рецепция рассказа оказалась затруднена как в силу некоторых особенностей произведения, так и специфики национально-культурного движения в Китае первой половины XX века.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, образ Китежа, рецепция литературы, русско-китайские культурные связи

«Река играет» – один из самых известных рассказов В. Г. Короленко, оказавший большое влияние на русскую литературу и многих русских писателей. Между тем, он остался практически непрочитанным в Китае, несмотря на большое внимание китайских интеллектуалов к творчеству автора. В своей работе мы предлагаем элементы интерпретации этого произведения и его историко-функционального анализа, т.е. изучения рецепции, толкований, оценок, которые текст вызывает в различных культурно-исторических обстоятельствах. Попытка объяснить отсутствие интереса к рассказу «Река играет» в Китае преследует целью выработать пути понимания этого текста инокультурным читателем.

История рецепции прозы Короленко в Китае берет истоки в начале XX в., когда многие прогрессивные китайские авторы часто обращаются к творчеству русских прозаиков как литературным образцам в деле создания современной национальной литературы. В 1907 г. Лу Синь рассматривал рассказ Короленко «Последний свет» в статье «摩罗诗力说», а в 1909 году – рассказы «Мгновение» и «Лес шумит» в «Сборнике иностранных рассказов» («域外小说集»). В 1919 г. Шэнь Ин перевёл рассказ

Короленко «Огоньки». В 1920 г. Чжоу Цзожэнь (брат Лу Синя) переводит «Сон Макара». В 1921 г. Бэй Ган переводит «Лес шумит». В 1927 г. Лу Синь в статье «Искусство и революция» назвал Короленко «предвестником революции».

Произведения Короленко «Мгновение», «Лес шумит», «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Сибирские рассказы и очерки» очень полюбили Лу Миню, крупнейшему китайскому писателю той поры [Чэнь 1995: 103]. С тех пор до 1980 г. на китайский язык переводились рассказы В. Г. Короленко «Чудная», «Слепой музыкант», «Река играет», «Мгновение», «Ат-даван», «Мороз», «На затмении», а также роман «История моего современника».

Феномен Короленко не обойден вниманием китайскими исследователями, которые характеризовали стиль и идеологию писателя, обращались к толкованию его произведений. В 1989 году Хэ Чжифа (何持方) и Чжан Хунлинь (张洪麟) написали статью «О творчестве Короленко» («论柯罗连科创作特色»). В 2002 году Чжоу Синьпин (周新萍) публикует работу «О Лу Сине и Короленко» («鲁迅与柯罗连科简论»). Лу Жэньхао (陆人豪) призвал «заново оценить статус Короленко в истории русской литературы» («重评柯罗连科在俄罗斯文学史上的地位»). В 2003 году Тянь Иншуань (田英宣) предложил трактовку повести «Слепой музыкант» как истории «конкуренции с судьбой» («与命运抗争 – 浅谈柯罗连科的小说 – 盲音乐家»). В 2014 г. Чжан Сяовэй (张晓微) написала работу «Введение в характеристику творчества Короленко» («柯罗连科创作特色初探»).

Рассказ «Река играет» был переведен на китайский язык Чэнем Бинь в 1953 г. Китайские русисты, однако, практически не рассматривали это произведение.

В России, напротив, о рассказе «Река играет» писали многие литературоведы: Г. М. Миронов, Г. А. Бялый, Б. В. Кондаков и др. Г. М. Миронов отмечает мастерство писателя в создании природного фона в рассказе: «В рассказе “Река играет” и “В облачный день”, повествуя о “героях на час” – Тюлине и ямщике Силуяне Криконосом, Короленко создал необычайный пейзаж» [Миронов 1962: 163]. А. М. Горький не раз говорил впоследствии, что Короленко в образе Тюлина сумел отразить «национальный русский характер», создать «исторически сложившийся» «тип великорусского мужика» [Там же]. Г. А. Бялый так оценивает место произведения в творческой эволюции автора: «После “Сна Макара”, “Река играет” – новая ступень в работе Короленко над народными образами» [Бялый 1983: 189]. Б. В. Кондаков предлагает комплексную интерпретацию текста, отмечая, в частности, что писателю удалось воссоз-

дать особое «настроение»: «... оно исходит и от реки, и от большинства собравшихся у перевоза людей; оно объединяет единым чувством и автора-рассказчика, и читателя, и делая восприятие произведения целостным» [Кондаков 1996: 73].

Очевиден парадокс: одно из интереснейших произведений Короленко – высоко ценимого в Китае! – осталось мало известным для китайского читателя и непонятым китайской литературоведческой наукой.

Обратимся к анализу рассказа, попытаемся раскрыть его символику и авторский замысел, который лежит в основе этого произведения.

В рассказе «Река играет» описывается путешествие рассказчика к озеру Светлояр. Герой вернулся со Святого озера, на дне и берегах которого сокрыт, по преданиям, невидимый град Китеж. Утром, когда рассказчик проснулся, он долго не мог сообразить, где он. Перед ним стоят голубое небо и весёлая река Ветлуга. Он вспомнил предыдущие сутки, когда он находился на Святом озере, у невидимого града Китежа, «толкаясь между народом, слушая гнусавое пение нищих, слепцов, останавливаясь у импровизированных алтарей под развесистыми деревьями, где кипели страстные религиозные споры». На озере он очень устал, «с головой, отяжелевшей от бесплодной схоластики этих споров, с сердцем, сжимавшимся от безотчетной тоски и разочарования...» [Короленко 1986: 271].

Ожидая паром на берегу реки Ветлуги, он встретился с перевозчиком Тюлиным. «Он сидит у своего шалаша, понутив голову и как-то весь опустившись... Лицо молодежливое, почти без бороды и усов, с выразительными чертами, на которых очень ясно выделяется особая ветлужская складка, а теперь, кроме того, видна сосредоточенная угрюмость добродушного, но душевно угнетенного человека...» [Короленко 1986: 273]. Обычно «Тюлин ленив, вздорен, недобросовестен, склонен к пьянству» [Кондаков 1996: 71]. А в критическую минуту «он, видимо, подтянулся, его взгляд становится разумнее, тверже». «Критическая минута, когда Тюлин был на высоте своего признанного перевознического таланта, миновала, и искра в глазах Тюлина угасла вместе с опасностью» [Там же]. На берегу герой-рассказчик встретил других людей, которые живут около реки Ветлуга. Они показались герою добрыми и как будто знакомыми. Герой созерцает «радующий душу пейзаж», слышит «дружественный шепот реки» [Там же: 68]. Он также встретил уреневцев, «умственных мужиков и начетчиков».

Герою «было тяжело, на озере, среди книжных народных разговоров, среди «умственных» мужиков и начетников, но легко на реке Ветлуге, со стихийным, безалаберным, распущенным и вечно страждущим от похмельного недуга перевозчиком Тюлиным» [Короленко 1986: 296].

Почему рассказчика посещают эти мысли? Откуда это чувство? Писатель пытался решить эти вопросы, имеющие, на самом деле, мировоззренческое значение.

Этот рассказ явился результатом путешествия Короленко. В 1889 г., возвращаясь со Светлояра, он встретился на реке Ветлуге с поразившим его перевозчиком, образ которого он в 1891 г. разработал в знаменитом своем рассказе «Река играет» [Бялый 1983: 173]. Рассказы Короленко о народном мировоззрении проникнуты ощущением назревающего перелома, кризиса. Народная жизнь и народная мысль должны измениться. Отсталость традиционных форм мышления становится все более очевидной, все более несовместимой с реальными достижениями человеческого разума [Там же: 175]. Идея этого рассказа затрагивает, таким образом, очень важные вопросы национальной жизни.

В этом рассказе писатель соединил реализм и романтизм: второй художественный метод используется в связи с введением в повествование отсылок к «китежской легенде», которая производит необыкновенный эффект – ключевые образы рассказа начинают раздваиваться, создавая замысловатые отношения между категориями подлинного и иллюзорного. В рассказе мы видим романтическое двоемирие: маленький мир на берегу Ветлуги и мир Святого озера, на дне и на берегах которого находится невидимый для обычных людей град Китеж. Град Китеж – один из интереснейших образов русской культуры. Легенды о Китеж-граде сообщают об изумительной красоте города, украшенного многими церквями и монастырями, и о благочестивости его населения [Кондаков 1996: 69]. Град Китеж невидим, мы не знаем, реален ли он. Видимое Святое озеро, которое герою не нравится, тоже становится как будто нереальным – это пространство суеты и духовной пустоты. Раздваивается и образ Тюлина: за его зримым обликом проступает незримая духовная сила и красота. Таким образом, в географическом и духовном пространстве обнаруживаются два мира, как отмечает исследователь: «один – настоящий, но невидимый, другой – видимый, но ненастоящий» [Там же: 71]. Позволим себе не согласиться со столь однозначной трактовкой; отношения между видимым/невидимым и реальным/нереальным не вполне отчетливо, на наш взгляд, прослеживаются: писатель словно и сам не знает, где подлинное, а где неподлинное.

В этом рассказе отразился перелом, кризис, в котором оказалось мировоззрение писателя и мировоззрение народа. Именно этот кризис, раздвоение, поиск подлинного среди мнимого становится главной проблемой произведения.

«Китежская» символика рассказа, вероятно, не была понятна переводчикам и толкователям из среды китайских интеллектуалов, потому и

этот замечательный рассказ остался обойден вниманием. Были тому и объективные исторические причины.

В конце XIX в. Китай был отсталым полуфеодальным государством. Оценивая трагические результаты войны с Японией (1894–1895) и последующую оккупацию страны европейскими державами, китайские интеллектуалы пытались найти новое направление развития Китая, оформить новую идеологию, помочь стране выйти от этого положения. Многие литераторы побывали за границей, они преследовали цель «импортировать» лучшие западные идеалы, которые могли способствовать модернизации Китая. Это обусловило их работу над переводами лучших образцов зарубежной литературы. С октября 1917 г. особенно интенсивно переводились тексты русской литературы, в том числе произведения Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко и др. авторов.

Рассказ «Река играет» был переведен на китайский язык лишь в 1953 г. В рассказе были поставлены острые вопросы, сформулированы значимые проблемы, но выход указан не был, положительный вывод отсутствовал – или оказался увиден в глубокий подтекст. Можно предположить, что на рубеже веков рассказ Короленко не отвечал задачам, которые ставили перед собой переводчики и популяризаторы литературы Запада в Китае.

Таким образом, прочтение рассказа «Река играет» в Китае оказалось затруднено в силу внутренних особенностей текста (его обращенности к национальной мифологии, романтическим двоемирием), а также в обстоятельствах поиска жизнестроительной идеологии, задачам которого философский, рефлексирующий рассказ Короленко не отвечал. Для его активной рецепции, на наш взгляд, потребуется комментарий, растолковывающий смысл использованной символики и авторскую позицию, которую в полноте можно понять лишь в контексте всего творчества В. Г. Короленко.

Библиографический список

- Бялый Г.А. В. Г. Короленко. Л.: Художественная литература, 1983. 352 с.
Кондаков Б.В. Художественный мир русской литературы 1880-х годов. Ч. II: Анализ художественного произведения. Пермь: Изд-во ПОИПКРО, 1996. 92 с.
Короленко В.Г. Повести и рассказы. М.: Худ. литература, 1986. 543 с.
Мионов Г.М. Короленко. М.: Молодая гвардия, 1962. 367 с.
陈漱渝 (Чэнь Шуюй). 世纪之交的文化选择 – 鲁迅藏书研究. 【M】. 长沙: 湖南文艺出版社, 1995.

Liu Mei

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

**THE STORY OF V. G. KOROLENKO «THE RIVER IS PLAYING»:
INTERPRETATION, HISTORICAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS**

V.G. Korolenko is one of Russian writers in demand by the Chinese public. His stories and novels were actively translated into Chinese, receiving high marks from famous writers and critics of China. However, the story “The River Plays,” which was of great importance in the history of Russian literature, was translated into Chinese relatively late and still has not been specifically considered by Chinese critics and philologists. The proposed interpretation of the story and the historical and functional analysis (research in history of text reception) lead us to conclusion: the Chinese reception of the story was determined by certain features of the work and on the contrary by the specifics of the national cultural movement in China in the first half of the 20th century.

Key words: V.G. Korolenko, the image of Kitezh, the reception of literature, Russian-Chinese cultural relationships